

Едва Чу Вэй открыл дверь, как перед ним предстал взволнованный Чэн Даню. Лицо его так и перекосило от страха.

— Беда! Староста пропал! — запыхавшись, выпалил он. — Всю деревню перерыли, нигде его нет. Чу Вэй, а вдруг... вдруг эта тварь вернулась?

Чу Вэй нахмурился.

— Пойдём посмотрим.

Когда они добрались до дома старосты, его двор уже ломился от людей. В толпе шептались. Кто-то испуганно озирался, кто-то тревожно переглядывался, но большинство просто дрожало от мысли, что следующая кара обрушится на них самих.

Старосте уже перевалило за пятьдесят. Его сын и дочь уехали на заработки в город, так что в доме он жил втроём с женой и престарелой матерью. Теперь, когда хозяин исчез, его супруга и дряхлая мать места себе не находили от горя.

После вчерашнего ночного кошмара вся деревня уяснила: Чу Вэй обладает истинной силой, и он в стократ могущественнее даосов-мошенников. Стоило юноше появиться на пороге, как толпа расступилась, уставившись на него с немой мольбой, будто ждала спасительного решения.

— Ох, Чу Вэй, наконец-то ты пришёл!

— Чу Вэй, голубчик, помоги старой! Он же у нас единственный кормилец, если с ним что случится — как мы жить-то будем?

Старуха, завидев юношу, заковыляла навстречу, мёртвой хваткой вцепилась в его рукав и жалобно запричитала.

Чу Вэй окинул толпу спокойным взглядом и остановил его на жене старосты.

— Я уже говорил, — ровно произнёс он, — чтобы изгнать нечисть, нужно понять, что её здесь держит. Какая незакрытая обида.

Души не могут уйти, когда их держит земное: то, с чем не смогли расстаться, что не сумели простить или чего так и не дождались. Безумная любовь, люта я ненависть — любое сильное чувство, пустив корни в посмертии, перерождается в слепую, упрямую волю. Со временем это наваждение лишь крепнет, пока несчастный дух не превратится в кровожадную, безжалостную тварь.

— Если кто-то из вас знает, из-за чего много лет назад вспыхнул тот пожар, говорите сейчас. Начистоту. Иначе я не знаю, кто станет следующей жертвой.

Чу Вэй уже догадывался, что к чему. Собравшиеся здесь люди явно хранили общую тайну. Не будь они замешаны, исчезновение старосты не повергло бы их в такой дикий, первобытный ужас. Они тряслись не за старосту — они примеряли его участь на себя.

Люди испуганно переглядывались, вжимая головы в плечи. Никто не решался нарушить молчание.

Наконец жена старосты решительно шагнула вперёд.

— Да пропади всё пропадом! — в сердцах закричала она, сорвавшись на плач. — Какая теперь разница?! Если мы промолчим, моего мужа разорвут на части! Или вы хотите просто стоять и смотреть, как он подыхает?!

Возразить было нечего. Людской ропот затих, и под гнётом неизбежности перед Чу Вэем начала разворачиваться мрачная хроника преступления, похороненного в этих краях больше двадцати лет назад.

В те времена деревня выглядела совсем захудалой — от силы полсотни дворов. Ютилась она у подножия гор, возле чистой речушки. Жители селились скромно, возделывали скудную землю, жили плодами своих трудов и, невзирая на бедность, ладили друг с другом. До тех пор, пока в один проклятый день всё не покатило к чертям.

Всё началось с того, что один из крестьян откопал на своём наделе кусок нефрита. Да непростого — знающие люди говорили, что за эту безделушку можно выручить баснословные деньги. Счастливчиком оказался старший сын из семьи Ван — Ван Минго. Семья их была огромной, семеро ртов, и едва сводила концы с концами.

Кабы Ван Минго утаил находку да сбыл её по-тихому в городе, несчастья удалось бы избежать. Но на беду нефритовую глыбу в его руках заметил случайный прохожий. К вечеру весть разлетелась со скоростью лесного пожара. Деревня гудела: шутка ли, нищие Ваны откопали настоящее сокровище!

Слухи множились и росли как снежный ком. Вскоре каждый клялся, будто своими глазами видел этот камень: мол, размером он с человеческую голову, сияет чистейшим светом и стоит столько, что можно купить весь уезд. Для полуголодных крестьян, отродясь не державших в руках ничего дороже медной монеты, само слово «богатство» казалось сказкой. И сказка эта, обернувшись чужой удачей, чёрной завистью уколола каждое сердце.

Поначалу люди просто завистливо вздыхали, но день ото дня шепотки становились всё злее.

«С чего это Ванам всё достанется? Земля-то деревенская, значит, и камень общий!»

«Такое добро делить надо на всех, по справедливости!»

«Ишь, загребушие руки! Единоличники проклятые, отдавать надо!»

Пересуды крестьян быстро переросли в твёрдую, ослепляющую уверенность: нефрит принадлежит общине. Вырученные за него деньги необходимо разделить поровну между всеми дворами. Только так, по их мнению, выглядела высшая справедливость.

Ваны, разумеется, и слушать об этом не хотели. С какой стати отдавать то, что старший сын нашёл собственными руками на их личном клочке земли? Ничьих границ они не нарушали, чужого не брали. Любой на их месте встал бы насмерть за свою законную добычу.

Семья Ван прозябала в нищете. Семеро человек за столом, а в котелке — пустая похлёбка. Этот камень был их единственным шансом вырваться из беспросветной нужды, уехать в город и зажить наконец по-человечески, позабыв о вечном голоде. А если поделить деньги на пятьдесят семей, им самим останутся жалкие крохи. Нет, отдавать сокровище они не собирались ни под каким видом.

В конце концов разгневанная толпа пришла за судом к старосте. Тот был молод — едва разменял четвертый десяток — и перед столь великим соблазном устоять не смог. Ведь если разделить богатство, то и его семья получит долю. Кто же в здравом уме откажется от неожиданных денег, плывущих прямо в руки?

Подстрекаемый жадной толпой, староста повёл крестьян к дому Ванов. Свора обступила хлипкую изгородь, которая тут же затрещала и рухнула под напором сотен тел.

Хозяева застыли на пороге, побелев от злости и страха. Ван Минго шагнул вперёд, заслоняя собой испуганную родню, и в упор спросил старосту, что означает этот набег.

Разве могли они требовать чужое? По совести — нет, это был чистой воды грабёж. Но когда сотня глоток кричит об одном и том же, даже самое гнусное беззаконие начинает казаться правым делом.

Староста заговорил вкрадчиво, прикрываясь заботой о ближних:

— Минго, мы ведь одна семья в этой глуши. Коли терпеть нужду — так всем вместе, а коли богатеть — так тоже сообща. Да и земля, на которой ты этот камень нашёл, колхозная. Значит, и всё, что в ней сокрыто, принадлежит общине. Негоже тебе одному всё прибирать к рукам, не по-людски это.

Ван Минго аж затрясся от возмущения:

— Да при чём тут ваша община?! Камень извлёк из земли я! Мой пот пролился на этой пашне! А раз я его нашёл — значит, он мой, и ни одной крохи я вам не отдам!

Из толпы тут же посыпались угрозы:

— Слыхали, что староста говорит? Добро общее!

— Харя не треснет в одиночку такое богатство жрать?!

— Коли упрямиться будешь, мы в уезд заявим, в полицию! Пускай государство забирает, делиться не хочешь! Ни себе ни людям!

Эти слова больно ударили по Минго. Он побледнел. Если крестьяне действительно донесут властям, законники отнимут камень, и семья останется у разбитого корыта.

Староста, почуяв его слабость, тут же заговорил мягче:

— Мы ведь вреда вам не желаем. Оставим всё между своими, тихо, без лишнего шума. Продадим камень, разделим деньги, отстроим деревню. Разве тебе самому не хочется жить в достатке?

Поддавшись давлению — а вернее, откровенному вымогательству, — Ван Минго скрепя сердце сдался. Он пообещал разделить добычу со всеми, но поставил твёрдое условие: пока покупатель не найдётся, нефрит останется в его доме.

Крестьяне заставили его прямо там, перед всеми, подписать наспех составленную бумагу. Поставив свою подпись под договором, Ван Минго обрёк себя на гибель.

Довольная толпа разошлась по домам. Каждый уже мысленно пересчитывал свою долю и строил радужные планы на будущее, предвкушая сытую жизнь.

Однако спать в ту ночь Ваны не могли. Понимая, что житья им здесь больше не будет, они наспех собрали нехитрый скарб и решили бежать под покровом темноты, чтобы сохранить сокровище.

Но Минго недооценил крестьянскую алчность. Вокруг его дома уже дежурили дозорные. Стоило первому силуэту скользнуть за порог, как весть полетела по спящим дворам.

Посреди ночи деревня проснулась. Обезумевшие от ярости люди преградили беглецам путь на самой окраине.

Бумага с подписью оказалась лишь уловкой, ширмой, за которой Ваны пытались скрыть свой побег. Обманутые крестьяне взревели от ярости, требуя расправы над ворами.

Кто-то из толпы бросился вперёд, пытаясь вырвать из рук Минго плотный свёрток с нефритом. Это стало искрой в пороховой бочке. Завязалась глухая, беспощадная драка. В кромешной тьме, под крики и ругань, люди размахивали кулаками и палками.

Никто так и не понял, как это случилось. Раздался глухой, страшный удар. Пятилетний сынишка Ван Минго, путавшийся под ногами взрослых, упал на землю с проломленной головой. Кто-то в темноте опустил на ребёнка тяжёлый молоток.

В ночном хаосе разглядеть убийцу было невозможно.

Пролилась кровь. Убийство беззащитного дитя напугало бунтовщиков, но признаться в содеянном не посмел никто.

Смерть единственного наследника превратила Ван Минго в дикого зверя. Обезумев от горя, он выхватил окровавленный молоток из рук застывшего убийцы и с яростным рёвом бросился на толпу, круша всё на своём пути.

Этот мальчик был смыслом жизни для всей семьи, их сокровищем, которое они оберегали пуще глаза. И теперь его не стало. Ваны потеряли рассудок. Они ринулись на крестьян, готовые умереть, но забрать обидчиков с собой на тот свет. Отец семейства выхватил из узла кухонный тесак и принялся без разбору полосовать нападавших. Несколько человек с криками повалились на землю, заливая траву кровью.

Оружие, испившее крови, уже не остановить. И пускай в руках Минго был всего лишь кухонный нож, раны он наносил смертельные.

И тут в ночной тишине раздался хриплый, панический выкрик:

— Нельзя выпускать их отсюда! Если хоть один уцелеет и доберётся до властей — нам всем крышка, сгниём на каторге!

Этот голос отрезвил толпу, вселив в сердца крестьян липкий, леденящий ужас. Страх разоблачения оказался сильнее совести. Одним трупом больше, одним меньше — какая теперь разница? Раз пролилась кровь младенца, щадить остальных не имело смысла.

Страх уступил место звериной жестокости. Толпа окружила обречённую семью плотным кольцом. Никто не помнил, кто нанёс первый удар, сколько рук сжимали дубины и серпы. Слеплённые жаждой наживы и ужасом перед расплатой, крестьяне принялись забивать Ванов как скот.

Мрак ночи надёжно укрыл чудовищное злодеяние от посторонних глаз. Земля жадно впитала кровь, а усадьбу Ванов подожгли со всех четырёх углов. Огромный костёр поглотил и дом, и тела семерых замученных душ, обратив всё в пепел и прах. К утру от семьи Ван не осталось и следа.

Но это жуткое пламя навсегда выжгло клеймо на душах убийц. Та ночь стала вечным кошмаром и запретной темой для всей деревни. Семь невинных жизней сгорели дотла ради проклятого камня. Поистине, бездонна и темна глубина человеческого сердца...

<http://bllate.org/book/19040/1917535>